

Глава 23. Младший сокурсник

— Твое здоровье. И приятного аппетита.

Ци Мо усмехнулся и, запрокинув голову, одним глотком осушил тюбик с питательным раствором. Он несколько раз сглотнул. В мгновение ока пластиковая туба опустела.

Яньци перевел взгляд на кончик пробирки, которым Ци Мо только что салютовал ему, мысленно возвращаясь к его словам. Как только тот закончил, он спросил:

— И зачем ты до сих пор его пьешь?

Если уж он так любит сладкое, зачем вообще притрагиваться к безвкусному питательному раствору?

Ци Мо опустил руку и бросил пустую тубу в утилизатор. Потерев подбородок, он на секунду задумался, подбирая слова.

— Ну, во-первых, — отозвался наконец Ци Мо, — за столько дней я к нему, пожалуй, просто привык.

Услышав это «во-первых», Яньци слегка приподнял бровь.

«Ишь ты, целую доказательную базу подготовил».

— Во-вторых, — продолжил Ци Мо, — сегодня на мне белая рубашка.

Яньци опустил взгляд, скользнув по воротнику его ослепительно белой рубашки. Связь между меню и гардеробом упрямо ускользала от понимания. Он снова посмотрел собеседнику в глаза:

— И как это связано?

«С каких это пор белый цвет обязывает сидеть на растворах? Неужто у эстрадных звезд есть какое-то негласное правило на этот счет?»

Ци Мо прикрыл рот ладонью, сдерживая смехок:

— Боюсь испачкаться.

Он неловко кашлянул и слегка отвернулся, но предательски покраснел.

Яньци окинул его недоуменным взглядом. Взрослый, здоровый парень — с чего бы ему пачкаться за едой? Обычно он не лез с расспросами, но тут любопытство взяло верх:

— И почему ты должен испачкать рубашку?

— Наверное, потому что у меня в подбородке дыра, — вздохнул Ци Мо.

Яньци опешил. Он невольно уставился на подбородок певца, нахмурившись от смеси недоумения и внезапной тревоги, словно действительно пытался разглядеть там анатомический дефект.

Заметив этот взгляд, Ци Мо не выдержал и покатился со смеху. Яньци лишь растерянно моргнул, искренне не понимая, что тут смешного, если у человека физический изъян.

— Учитель Сюй, вы ведь в детстве наверняка вели себя за столом идеально?

Поняв, что шутка зашла не туда, Ци Мо поспешил объясниться:

— Я с малых лет ем неаккуратно. Вечно все крошки и капли летели мимо тарелки. Сейчас, конечно, лучше, но стоит зазеваться — и все окажется на груди. Мама всегда надо мной подшучивала, говорила, что у меня подбородок дырявый.

Когда до Яньци наконец дошел смысл метафоры, он с облегчением кивнул. Ци Мо тут же полюбопытствовал:

— Вы разве никогда такого не слышали?

В глазах Яньци на мгновение промелькнула тень, какая-то глубокая, затаенная грусть. Впрочем, он тут же справился с собой, не позволив собеседнику заметить эту секундную слабость.

Он качнул головой:

— Нет, не слышал.

— Значит, я угадал, — уверенно заключил Ци Мо, удовлетворенно кивнув. — В детстве вы были образцовым ребенком и не доставляли родителям никаких хлопот.

Яньци промолчал, но перед глазами против воли замелькали обрывки старых воспоминаний, заставив его на миг выпасть из реальности.

«Столько лет прошло... Я думал, все давно стерлось из памяти. Но нет — его голос, его лицо... все помню, будто это было вчера».

— Учитель Сюй? — тихо позвал Ци Мо.

Заметив, как Яньци застыл с зажатой в руке пробиркой, уставившись в никуда с едва уловимой мукой на лице, он всерьез беспокоился.

— Вовсе нет, — внезапно произнес Яньци.

— Что? — опешил Ци Мо, потеряв нить разговора.

Но Яньци уже мягко улыбнулся:

— Я тоже не был идеальным. Просто, наверное, до дырявого подбородка дело не доходило.

До Ци Мо дошло, что тот вернулся к теме детского послушания. Ну еще бы Яньци не быть аккуратнее — вряд ли он, в отличие от некоторых, боится прикоснуться к нормальной еде только из-за белой рубашки.

— И то верно, — рассмеялся Ци Мо. — Но вообще-то у меня есть еще и «в-третьих».

Яньци как раз сделал глоток питательного раствора и, не спеша сглатывать, лишь вопросительно приподнял бровь, беззвучно призывая продолжать.

— А в-третьих, — Ци Мо заговорщически подмигнул, — раз уж Учитель Сюй пьет эту гадость, то и мне отставать негоже.

Яньци промолчал.

«Ну точь-в-точь ребенок. Повторяет все за другими».

Он покачал головой и тихонько рассмеялся. Трудно сказать, что именно его позабавило — то ли откровенно нелепая отговорка, которую Ци Мо придумал явно на ходу ради круглого счета, то ли само детское упрямство певца.

Ци Мо на секунду замер, любясь его улыбкой, а затем и сам расплылся в улыбке.

Вокруг них словно вырос невидимый барьер, разделивший мир на «до» и «после». Они оказались внутри этого кокона, скрытые от посторонних глаз. Вокруг все так же шумели люди, но в их маленьком пространстве царил совсем иной покой — теплый, уютный и бесконечно

далекий от праздничной суеты.

Иллюзия рассеялась, когда к ним подошла Сестрица Су Хэ, заметившая, что они отбились от коллектива:

— Учитель Суй, Ци Мо, вы чего тут стоите? Идите к нам, пообедаем вместе!

Яньци слегка приподнял опустевшую пробирку, показывая, что его обед окончен.

Ци Мо тут же нашелся с оправданием:

— А мне расслабляться нельзя, впереди съемки. Агент велел строго следить за калориями.

Яньци опешил от такой наглой лжи. Он удивленно покосился на Ци Мо и, поймав его умоляющий взгляд — дескать, «не выдавай меня, пожалуйста», — благоразумно промолчал.

«Чужая душа — потемки, но пусть будет так».

Су Хэ, хоть и не уловила сути их безмолвного диалога, проявила чуткость и допытываться не стала.

Посочувствовав тяжелой доле артистов и похвалив его за профессионализм, она оставила их наедине и вернулась к общей компании.

После обеда последовал короткий перерыв, а затем съемки возобновились. Время пролетело незаметно; сумерки сгустились, и ужинать пришлось там же, в научно-исследовательском институте. Смену свернули лишь тогда, когда сотрудники института начали расходиться по домам.

На следующее утро съемочной группе пришлось доснять несколько дублей. Изначально планировали устроить прощальный обед, но собрать всех участников так и не удалось — у многих поджимали графики. Затею отложили до лучших времен.

Сразу после этого началась подготовка к пресс-конференции, посвященной запуску шоу.

И хотя возвращение группы на Землю официально не афишировалось, особо проницательные фанаты и сетевые инсайдеры уже вовсю трубили об этом в соцсетях.

Пока скептики требовали доказательств, официальный аккаунт проекта разом развеял все

сомнения, опубликовав расписание предстоящих мероприятий.

Местом проведения презентации выбрали Первый университет ZG. Аудиторию заполнили не только приглашенные ученые и эксперты, но и студенты вуза.

Когда все приготовления были завершены, участники один за другим начали прибывать на площадку.

В гримерке Сун Бинь, чей образ был готов задолго до начала, изнывал от безделья. Он слонялся из угла в угол, цепляя коллег пустой болтовней.

Наконец он дошел до места Яньци и пристроился у него за спиной. В руках визажиста так и порхали спонжи и кисти — точные движения напоминали искусное фехтование.

Сам Яньци покорно сидел с зажмуренными глазами, но при каждом прикосновении его лицо непроизвольно подергивалось. Было очевидно, что к подобным процедурам он совершенно не привык. Он то и дело хмурился и сжимал губы в тонкую линию. Со стороны казалось, что парень находится не в кресле стилиста, а на допросе под пытками.

Измученный визажист то и дело прерывался, умоляя клиента расслабиться: «Учитель Сюй, честное слово, это всего лишь мягкая кисточка, а не скальпель!» Но уговоры помогали мало. Мастер вздыхал, качал головой и урывал редкие секунды затишья, чтобы нанести очередной штрих.

К счастью, безупречная кожа и правильные черты лица Яньци избавляли от необходимости накладывать сложный грим. Мастер вовремя отказался от идеи сотворить шедевр визажа и просто подчеркнул природные достоинства.

К моменту прихода Сун Биня мучения подходили к концу. Нанеся финальный, едва заметный штрих, мастер принялся складывать инструменты.

— Готово, — удовлетворенно произнес он. — Можете взглянуть.

Яньци открыл глаза. Из зеркала на него смотрело знакомое, но неуловимо изменившееся лицо.

Наклонившись поближе, визажист придирчиво оценил свою работу:

— Как вам? Все устраивает, ничего не смущает?

Яньци покрутил головой, силясь заметить хоть какие-то разительные перемены, но так ничего и не понял.

Впрочем, после недолгих раздумий он все же выдал вердикт:

— Кажется, губы слишком яркие. — И убежденно кивнул собственным мыслям, словно соглашаясь с неоспоримым фактом.

Визажист лишь молча вздохнул.

«Да уж, слухи не врань — этот парень непробиваем».

Стоявший позади Сун Бинь прыснул в кулак, издавая нелепые, хрюкающие звуки.

Не выдержав позора, мастер поспешно подхватил свой кейс и, словно ошпаренный, вымелся из примерки.

Яньци растерянно проводил его взглядом в отражении. Сун Бинь от этой картины расхохотался в голос.

Наконец, отсмеявшись, тот шутливо подмигнул приятелю:

— А ведь ты, Учитель Сюй, тоже выпускник Первого университета, верно?

В их мире названия вузов давно упорядочили по времени основания — Первый, Второй и так далее. Исключение составляли лишь специализированные творческие заведения.

К примеру, Ван Синьдун, будучи профессиональным актером, окончил Академию драмы ZG.

— Тоже? — Яньци мгновенно зацепился за оговорку собеседника и встретился с ним взглядом в зеркале. — Кто-то еще из наших там учился?

Первым делом в голове почему-то всплыл образ Ци Мо. Но, вспомнив, что тот профессионально занимается музыкой, Яньци тут же отменил эту мысль.

В эпоху жесткой конкуренции профильное образование определяло всю дальнейшую карьеру — люди редко уходили из своей сферы.

И хотя творческая среда всегда считалась более гибкой, демографический кризис заставил и ее подчиниться общим правилам.

Вместо прямого ответа Сун Бинь заговорщически прищурился:

— Угадай с трех раз, Учитель Сюй.

Яньци сухо отрезал:

— Не буду.

Сун Бинь разочарованно вздохнул.

«Эх, вырос парень, совсем не поддается на провокации».

Видя, что Яньци даже ради приличия не собирается играть в эти игры, Сун Бинь сдался:

— Ладно-ладно. Это Ци Мо. Так что вы с ним, можно сказать, земляки по альма-матер. Он твой младший сокурсник, хоть вы и учились на разных факультетах.

— Ци Мо? — искренне удивился Яньци. То ли от самого факта, то ли оттого, что его первая догадка оказалась верной.

— Угу, — подтвердил Сун Бинь. Его ничуть не задела реакция друга, ведь он и сам знатно удивился, когда впервые об этом услышал. — Я-то думал, он оканчивал какую-нибудь престижную консерваторию, а он, оказывается, местный. Занимался там академической музыкой.

Если бы не этот разговор, Яньци и не вспомнил бы, что в их университете вообще существовало творческое направление.

Впрочем, оно никогда не было профилирующим. Более того, руководство вуза по какой-то нелепой причине установило для поступающих на творческие специальности запределный проходной балл, ничуть не уступающий точным наукам.

Единственным плюсом было отсутствие творческого конкурса — поступить мог даже абсолютный дилетант, не державший в руках инструмента, лишь бы баллы за экзамены позволяли.

Складывалось впечатление, что факультет открыли исключительно для галочки, подчиняясь директиве министерства. Не в силах спорить, руководство просто выставило такие заградительные барьеры, чтобы отсеять лишних кандидатов.

К тому же обучение там стоило баснословных денег — лекции читали исключительно признанные мэтры индустрии.

Яньци до сих пор не понимал, как относиться к этой политике: то ли вуз действительно радел за элитарность искусства, то ли просто пытался от него откреститься.

Подобные драконовские меры предсказуемо отпугнули большинство абитуриентов, оставив лишь единицы тех, кто обладал и завидным умом, и недюжинным талантом, и весьма состоятельными родителями.

Народу там училось так мало, что Яньци едва не стер этот факультет из памяти.

— Вот оно что... — задумчиво пробормотал он своему отражению.

<http://bllate.org/book/18362/1862737>